

ГЛАВА I

*Рзения, Старгород
Месяц травень*

Велга распахнула ставни, и перед ней раскинулось цветущее яблоневое море. Белые волны слегка покачивались на ветру. Буйно расцвёл сад, и казалось, можно было нырнуть в это море и утонуть в сладком яблоневом духе.

Подул ветер, развевая длинные кудри Велги. Она облокотилась о подоконник, прищурилась, подставив лицо солнцу.

Как грустно было любоваться цветением родительского сада в последний раз. На севере, где жил её жених, вряд ли весна бывала так же прекрасна. Матушка

часто вспоминала свои родные края и говорила, что край тот суров и мрачен.

Впрочем, у Велги были весомые причины стремиться подальше от людного, богатого Старгорода на недружелюбный север.

— Господица, — окликнула её Бажена, — матушка тебя ждёт.

— Да, сейчас, — Велга приоткрыла глаза, но даже не оглянулась. — Ещё немного.

Она увидела мелькнувший рыжий хвост между ветвями и услышала звонкий лай. Собака побежала через сад к частоколу. Там по тропинке прогуливался отец вместе с гостем.

Оба заметили Велгу. Отец помахал рукой, гость почтительно поклонился.

— Отец меня зовёт, — Велга обернулась наконец к Бажене.

— Велга, — с укором произнесла нянюшка. — Госпожа Осне уже давно тебя ждёт.

— Да-да, сейчас, — неохотно отозвалась Велга, глянула с тоской на цветущий сад. — Я скоро приду! — выкрикнула она в окно.

Нетерпеливо ёрзая, Велга позволила нянюшке заплести волосы в длинную косу.

— Поторопись, Бажена, — поджала Велга губы, будто не сама тянула время.

С улицы доносился звонкий лай, и невыносимо хотелось убежать из шумного дома в сад и провести последний день с отцом.

— Сапожки, господица, сапожки, — напомнила нянюшка, когда Велга радостно соскочила с места и кинулась к двери.

— Ох, давай скорее! — нетерпеливо притопнула девушка, обулась и выскочила из ложницы.

В усадьбе Буривоя было шумно. От нижних клетей до самой горницы звучали голоса. Видано ли: из дома наутро должны были уехать сразу оба наследника, а вечером обещали справить пир.

— Да озарит Создатель твой путь, господица Велга, — дорогу ей преградил Данила. Он был такой здоровый, что заслонял собой весь проход, зато легко в одиночку тащил её, Велги, сундук. — Вот вещи твои несу в повозку, — он улыбался так широко, что можно было пересчитать все зубы. Тёмные глаза прожигали Велгу насквозь. — Это... в общем, даже не верится, — он всё ещё пытался улыбаться, только в тихом голосе сквозила грусть.

Велга попыталась обойти Данилу, только ничего не вышло, и она вжалась в стену, пропуская его вперёд на лестницу.

— Во что тебе не верится?

— Что ты уже уезжаешь, господица. Как-то... даже не верится, что уже пора прощаться.

Она порадовалась, что руки у Данилы были заняты. Он мог и полезть обниматься к господице.

— Ещё не пора, Данько. Завтра поутру придёт пора. Не провожай меня раньше времени.

— Ага.

— И не плачь, — Велга заметила, что глаза у юноши были на мокром месте. — Что ты, в самом деле? Я же не умираю, а замуж выхожу.

— Ты, господица, — произнёс он с придыханием, явно едва сдерживая нахлынувшие чувства, — будешь теперь далеко, а это, считай, то же самое.

Он обернулся, пытаясь разглядеть Велгу, и не заметил Муху, которая поднималась по лестнице.

— Куда, остолоп?! — взвизгнула Муха и пригнулась, чтобы увернуться от сундука. — Вот же медведь неповоротливый.

— А? Ой! Муха, прости, — Данила закрутился на месте, замотал огромным сундуком с кованными углами. Девушки отскочили от него в разные стороны.

— Кто только додумался его в дом пустить? — выгнула бровь Муха. — Ему бы на конюшне за лошадьми ухаживать.

— Пожалей лошадей, Муха, — хихикнула Велга. — Он переломает им хребты.

— Чего вы? — надулся Данила. — Я же осторожно.

— Пожалуйста, Данько, — протянула сладким голосом Велга, — отнеси этот сундук в повозку и не сломай. Там мои любимые наряды.

Пунцовый от смущения холоп начал спускаться. Девушки, взявшись за руки, прошли к покоям хозяйки. Велга рядом с Мухой чувствовала себя почти неловко. Раньше они обе были худощавые, юркие, лёгкие, но последние годы их изменили, и Муха вдруг вытянулась, стала высокой, статной, а Велга так и осталась крошечной.

— Спорим, Данько завтра разрыдается, когда мы будем уезжать? — хмыкнула Муха.

— А ты нет?

— Не дождёшься, — она улыбнулась, храбрясь, но не смогла скрыть тоску: — Если только потом, когда выедем за ворота, чтобы он не увидел.

Они остановились у двери, всё не разнимая рук.

— Я уже скучаю по дому, Велга.

— Как я и сказала, можешь остаться, если хочешь. Я уговорю родителей. Но ты мне нужна будешь там.

— Ну уж нет, — помотала головой Муха, точно отряхиваясь от печальных мыслей. — Мне, может, тоже хочется замуж за какого-нибудь северянина. Вряд ли, конечно, там все хлопцы как Ярополк Снежный... — она мечтательно закатила глаза, и Велга тоже не удержалась, вздохнула, вспоминая песни, что гусяры пели о великом князе.

— Ладно, я пойду, — неохотно пропищала Велга и толкнула дверь в покои родителей. — А то как вспомню про Снежного князя, и...

— Ох...

— Да-а-а...

— О чём вы там вздыхаете? — раздался холодный голос матери из-за приоткрытой двери.

Слышно было, как Муха, хихикая, убежала прочь.

Велга прикрыла за собой дверь, задержалась у порога. В покоях ярко светило солнце, ставни оказались широко распахнуты, из них открывался вид на благоухающий сад.

Госпожа Буриной расчёсывала волосы Кастусю, а тот вертелся и всё пытался вырваться.

— Да озарит Создатель твой путь, матушка, — легко поклонилась Велга.

— Доброе утро, родная, — на мгновение отвлеклась мать и случайно дёрнула запутанную прядь, отчего сын громко ойкнул. — Сиди смирно. — Она положила руку с длинными, унизанными перстнями пальцами ему на плечо.

На полу, так же непоседливо елозя, как и Кастусь, лежала мартышка. В передних лапах у неё был царский

орех, задними она дрыгала в воздухе. Заметив Велгу, мартышка вскочила, радостно загукукала на свой чудной манер и ловко взобралась девушке на плечо.

Велга погладила мартышку по медной шёрстке, а при виде брата скривилась. Он в ответ показал ей язык, отчего девушка вспыхнула и тоже показала язык.

— Велга, не веди себя как ребёнок, — даже не взглянув на неё, привычным ровным тоном сказала мать. — Константин, сиди смирно и дай себя расчесать. Тут колтун. Ты же не хочешь, чтобы собственная невеста подняла тебя на смех? Приедешь в Златоборск, а у тебя волосы в колтунах, как у дворовой псины.

— И все решат, что у него лишай, — добавила Велга.

— Сама ты лишай!

— Это ты лишай! — вспылила девушка.

Мартышка на её плече испуганно пискнула и спрыгнула на пол, схватила обронённый орех и утащила в дальний угол.

— Хватит, вы оба, — голос матери прозвучал так же холодно и ровно. — Белка ведёт себя лучше вас, а она всего лишь глупая мартышка. Велга, ты уже не маленькая. Будь сдержаннее. Константин, — добавила она с большей угрозой, — сиди смирно.

Сцепив руки и тяжело вздохнув, Велга прошла к окну, нарочито громко топая.

Ставни были испещрены резными волнами и ветвями. Буря и древо — знаки рода Буривоев. Велга провела пальцем, очерчивая кудрявую, как её рыжие волосы, волну. Завтра Велгу повезут на север, к холодным водам ледяных морей, где, как рассказывали, никогда не таял снег. Из тех земель однажды пришли предки отца,

на тех невзрачных берегах выросла её мать, и туда же лежал путь ей, Велге.

— Почему вы так меня назвали? — спросила она, водя пальцем по ветвям древа, под корнями которого бушевали волны.

— Что? — переспросила мать.

— Обычно девушкам у нас дают троутосские имена, на худой конец рдзенские, — пожалала плечами Велга. — И братьев зовут по-нашему. А мне досталось северное, как у тебя.

— Хм... чем тебе не угодило имя? Оно как река, «Велга» означает «освежающая»...

Кажется, мать снова случайно дёрнула гребешком, и Кастусь жалобно ойкнул.

Мстительная улыбка расплылась на губах Велги. Брат был младше её на девять лет, и те девять лет, что она прожила без него, были лучшими в её жизни. К счастью, скоро они должны были разъехаться на разные концы света.

На подоконник рядом с Велгой вдруг сел грач, и она отпрянула в сторону.

— Что такое? — оглянулась встревоженная мать.

Её нефритовые глаза широко распахнулись, но госпожа тут же взяла себя в руки.

— Грач, — жалобно произнесла Велга, пятясь от окна.

Птица сидела на подоконнике, смотрела внимательно, не мигая, прямо на Кастуся. Брат сморщил плаксивое лицо. Госпожа Осне пожалала плечами.

— Грачи — хорошие птицы, — вновь проводя гребешком по рыжеватым волосам мальчика, произнесла она. — Не стоит их бояться.

— Я не боюсь, — нахмурилась Велга. — Странно, что и он нас не боится.

— Это к счастью, — уверенно сказала мать. — Грачи всегда хорошая примета.

Наконец она отпустила Кастуся, и тот тут же взъерошил себе волосы двумя руками. Мать вздохнула, но причёсывать его больше не стала.

— Велга, подойди, — позвала она устало.

Вместо Велги первой подскочила Белка. Отбросив ореховую скорлупу на пол, она запрыгнула на столик и с любопытством заглянула в ларец. Мать бережно взяла мартышку и опустила на пол.

Тонкими длинными пальцам Осне перебирала украшения. Велга задержала дыхание. Прежде, будучи совсем ещё маленькой девчонкой, она считала этот ларец почти сказочным. Пока мать не видела, Велга, ускользнув от нянюшек, пробиралась в покои родителей, примеряла на себя гривны, перстни и обручья. Отец любил матушку и дарил ей лучшие украшения. Сколько там было камней, сколько золота!

— Я хочу отдать это тебе, — мать достала из ларца височные кольца. — Они принадлежали твоей бабке Богуславе. Все женщины из рода Буривоев их носят.

— Даже после замужества?

— Конечно.

— И тётка Далибора?

Мать недовольно поджала губы, но кивнула:

— Даже она.

Буйные волны и переплетённые корни. Осторожно Велга приняла височные кольца из рук матери. Пожалуй, из всех украшений, что хранились в ларце, эти

меньше других пришлись ей по сердцу. Они были старыми, потёртыми и слишком простыми.

— Тебе что, не нравится? — едва заметная буря слышалась в голосе матери.

— Нравится! — воскликнула Велга, но обида читалась в надутых алых губах, в плаксивом взгляде, в нахмуренных бровях. — Просто...

— Ты уезжаешь из дома навсегда, Велга. Ты станешь хозяйкой в Ниенскансе, в чужой для тебя земле...

— Это твоя родина.

— Я родом из Снежного, а не из Ниенсканса. Тебе выпала великая честь, Велга. Ты будешь хозяйкой нового города. — Мать коснулась указательным пальцем её подбородка и заставила приподнять голову.

— Какая из неё хозяйка? — пробубнил Кастусь.

Велга замахнулась, но мать перехватила её руку у затылка брата.

— Велга, — прищурилась она недобро и перевела взгляд на сына: — Ты тоже помалкивай, Константин.

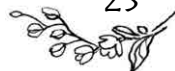
— А я чего? Это всё она.

— Константин! — строже добавила мать, и в голосе её зазвенел лёд.

Мальчик сполз с лавки и ушёл в уголок к Белке грызть орехи. Осне тяжело вздохнула, собираясь с мыслями.

— Прости, матушка, — пролепетала покорно Велга. — Я всё поняла. Буду носить височные кольца.

— Твой отец делает всё, чтобы вы с Константином имели счастливое будущее. — Светлые, с зелёными крапинками глаза матери светились ярче, чем камень в её венце. — Но ты не должна забывать, откуда родом.

Так положено: женщины носят знаки своей семьи. И все на севере увидят, что ты Буриной.

— Я же возьму имя мужа, — она опустила взгляд на височные кольца в своих руках, провела пальцами по волнам и ветвям.

— Но все будут помнить, что ты — дочь Буриной, первого князя Старгорода.

— А смысл? Сейчас мы никто...

— Не смей так говорить. Никогда. Кто бы ни правил в Старгороде, сути это не меняет. Мы, Буриной...

— Мама, ты же не Буриной. Ты с севера, — перебил её Кастусь, щёлкая скорлупу.

Рядом с ним сидела наглая Белка, ожидая, когда ей перепадёт угощение. Самой чистить орехи ей было лень. Мартышка взволнованно дёргала лапками и с трудом сдерживалась, чтобы не утащить ядрышко. Она была чудесно воспитана. Возможно, куда лучше, чем Кастусь.

Мать наблюдала за обоими, нежно улыбаясь.

— Я родила четверых Буриных, Константин, — сказала она. — Я имею полное право зваться Буриной.

Велга собиралась убрать кольца в кошину на поясе, но мать её остановила:

— Надень сейчас. Гордись, что ты Буриной. Твои предки основали Старгород, ты княжеского рода.

— Правят-то всё равно Белозерские.

— Это не навсегда. — Лёгкая, едва уловимая улыбка, блеск в глазах. О, мать и без княжеского венца выглядела настоящей княгиней.

— Что ты имеешь в виду?

— Надень височные кольца и ступай к отцу. Ему есть что тебе рассказать.

